

СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ГЕНЕЗИСЕ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Проблема появления казачества широко дискутируется в исторической науке и обществе, что подтверждают многочисленные публикации, в том числе, размещённые в интернет-ресурсах. Этот интерес обусловлен заметной ролью казаков в истории России. Казаки являлись первопроходцами, открывателями новых земель, играли роль «форпоста», неся пограничную службу, обороняя и сохраняя целостность России как государства, территории и цивилизации, были причастны к событиям войн, революций и государственных преобразований, оставаясь важным фактором в российской политике. Однако вопросы «Как и откуда появились казаки в российской истории?» «Каковы причины появления казачества?» до сих пор не имеют однозначных ответов и продолжают сохранять свою актуальность.

Вплоть до настоящего времени остаётся окончательно не выясненной этимология и первоначальное значение слова «казаки». Как и ряд других исторических понятий «Русь», «русы», «варяги» «татары» и др. в справочной и научно-популярной литературе оно имеет более десятка версий, среди которых наибольшей популярностью пользуются толкования тюркского (татаро-турского), либо монгольского происхождения. Так ряд интересных, но не бесспорных гипотез происхождения слова «казак» были приведены в первой пол. XX века в труде эмигрантского исследователя А.А. Гордеева «История казаков»: «У персов под словом казак разумелись люди, состоящие на службе, оплачиваемые казной, по-персидски «газа» и отсюда «газак». У арабов слово казак означало всадника, сражающегося за веру и закон пророка. По-монгольски, «казых» или «казак» означало «свободный воин», живущий обособленно в палатке» [2, с.13]. Как отмечает современный историк И.Ю. Ерохин, «само слово «казак», его этимология прослеживаются в языках множества древних народов Востока, Средней и Малой Азии, Кавказа и Предкавказья» [4, с.46]. Тюркское влияние на язык казаков, по мнению А.М. Гнеденко, отчётливо просматривается в таких словах как: «атаман», «есаул», «торба» и др. [1, с.32-33]. Как отмечает А.В. Сопов со ссылкой на И.Г. Яковенко, «по некоторым свидетельствам, еще в XIX в. казаки в массе своей были билингвами и в быту использовали «татарский» язык. Множество тюркских слов по сей день остается в южнорусских диалектах (кош, курень, юрт, майдан и др.)» [10, с. 74]. Не имея, таким образом, ни политического значения, ни этнического содержания, слово «казак» обозначало всякого вольного человека, отколовшегося от своего народа и племени, своего сеньора и законного государя и принужденного вести жизнь искателя приключений,

удалого наездника, «стража, и в определённом смысле, даже богатыря» [12, с.176].

Вопрос об этимологии понятия «казак» самым тесным образом связан с проблемой происхождения казачества как феномена в истории России. В работах историков и исследователей XIX–XX вв. сложилось два концептуальных подхода в её изучении — миграционно-колониационный и автохтонный, каждый из которых имеет научную аргументацию, но ни один на сегодняшний день не является общепризнанным. А потому оба вызывают исследовательский интерес и заслуживают нашего внимания.

Как отмечает Д.А. Тутин, суть миграционно-колониационной концепции появления казачества сводится к тому, что «казачьими предками были свободолюбивые выходцы из Русского и Польско-Литовского государств, те, кто не мирился с усиливающейся феодальной кабалой. Накапливаясь на российском побережье, эти беглецы «растекались» по рекам — Днепру, Дону, Хопру, Волге, Тереку, Кубани, а потом и по водным магистралям Сибири и Средней Азии. Там они образовали известные вольные общества, а затем и соответствующие казачьи войска» [12, с.177].

Основоположниками миграционной теории происхождения казаков можно считать выдающихся историков XIX — н. XX : С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова, в дореволюционной историографии её сторонниками были А.С. Пушкин, М.К. Любавский, Ф.В. Щербина, А.П. Певнев и др. [10, с.67-68]. Хотя специально разработкой данной проблемы они не занимались, но в своих работах исходили из признания казачества как некоей сформировавшейся самобытной общности, известной в русских летописях уже в XV–XVI вв. Так, по мнению С.М. Соловьёва, с X по XVII века «казачество составляет слой русского общества, некогда распространенного по всей России» [7]. В каждом столетии «из общества продолжали выделяться люди, у которых «сила по жилочкам так живчиком и переливалась, которым было грузно от силушки, как от тяжёлого беремени», и которые шли гулять в поле, в степь. Эти богатыри древности в новейшее время носят название казаков» [11, с.246], и даже в русских народных былинах Илья Муромец называется казаком. Такое «народное представление верно отождествляет эти два явления» — подвиги богатырей и подвиги казаков. В казаках С.М. Соловьёв видел «прямых потомков древнерусских богатырей, воспетых в древних былинах» [7]. Объективным условием появления этих «вольных гулящих людей», отважных, не расстающихся с оружием и хорошо им владеющих, во многом является природный фактор — соседство русского государства со степью: необходимости ведения на протяжении веков постоянной непрекращающейся борьбы «с народонаселением степей; с ослаблением кочевых орд» [7].

Миграционно-колониационный подход происхождения казаков был признан советской исторической наукой, рассматривавшей казаков как

профессионализировавшуюся этническую группу, выделение которой в российской социуме второй пол. XV–XVI вв. являлось следствием «усиления податного гнета и крепостничества в центре» [12, с.185]. В результате, как замечает Д.А. Тутин, «именно стремление освободиться от феодальной эксплуатации толкало народные массы к бегству на новые земли, за рубеж самодержавного государства, что гарантировало им личную свободу, независимость от царской власти, возможность трудиться на себя» [12, с.185].

Автохтонная теория возникновения казачества основывается на предположении, что казаки являются одним из древнейших народов, расселившихся по территории степной зоны современной России в период до XV века, и «базируется на признании двух начал в формировании казачества — славяно-русского и тюркского» [12, с.177]. Данная гипотеза появилась в XVIII веке одновременно с началом изучения казачьей истории благодаря сочинениям Г.З. Байера, В.Н. Тагищева и А.И. Ригельмана, руководившего строительством крепости святого Дмитрия Ростовского (современный Ростов-на-Дону) и др. Так или иначе все упомянутые авторы XVIII века связывали появление казаков с Тмутараканским княжеством, «население которого в XI в. состояло из русичей, хазар, косоогов-черкесов, ясов-осетин и представителей прочих народов» [12, с.177], поскольку его правитель — младший брат Ярослава Мудрого Мстислав Владимирович по прозванию «Храбрый» подчинил предков казаков, живших в Кабарде и кавказских черкес — племена, населяющие восточный берег Черного моря от устьев Кубани до пределов Абхазии.

Автохтонную теорию возникновения казачества выражал Н.М. Карамзин, упоминавший в «Истории государства Российского» об ордынских, азовских, ногайских и других казаках [6, с.231]. Историк считал, что понятие «казаки», означавшее вольницу наездников удальцов «древнее Батыева нашествия», предками которых являются обитавшие согласно русским летописям между Каспийским и Черным морями племена касогов, и жившие на берегах Днепра торки и берендеи, которых называли как «черкасами», так и «казаками». «Степняки, перенимая веру, культуру и язык россиян, постепенно создавали своеобразные «формирования», на базе которых в дальнейшем станет развиваться казачество» [12, с.178]. В XX веке эти же взгляды разделял А.А. Гордеев, отмечавший, что «в начале XI столетия, Тмутараканский князь, Мстислав, объединив под своей властью Киевское, Черниговское и Пряславское княжества, привел с собой с Кавказа племена черкес и касогов. Присоединив к ним тюрские племена торков и берендеев и поселил их на границах, образовав из них военные поселения для защиты границ от нападения азиатских орд, кочевавших в южно-черноморских степях» [2, с.15], эти поселения «служившие охраной русских границ, до нашествия монгол русскими летописцами назывались: черкесы, торки, берендеи, черные клобуки и каракалпаки, но не носили общего названия «казаки» [2, с.15].

Теория автохтонного (местного, коренного) происхождения казаков получила широкое распространение в постсоветский период среди современных историков. Среди её приверженцев можно разделить несколько групп. Одна из них важным народом на пути формирования казачества, и прежде всего донского, считает так называемых «бродников». В автохтонный этнос бродников, с древности живших на Нижнем Дону, вливалось различное по этническому составу население из кочевников-степняков и выходцев из русских земель, которые с XVI века становятся все более заметными среди казаков, а затем начинают преобладать в казачьей среде. Одним из первых «бродницкую» гипотезу происхождения казачества обосновал в 1880-х гг. П.В. Голубовский в работе «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII веков». В советское время «бродницкую» гипотезу происхождения казачества продолжили развивать В.В. Мавродин, А.И. Попов, Б.Д. Греков, В.Б. Виноградов и др. Данное направление исторического дискурса о происхождении казаков поддерживал автор теории пассионарности Л.Н. Гумилев, считавший, что «бродники — народ русско-хазарского происхождения, наследники древних хазар» [3, с.80], исповедовавший православную веру, который вражда с половцами, толкнула на союз с монголами. В 1223 году они помогли Субэдяю разбить русских князей на реке Калка и с тех пор стали лояльными подданными Золотой Орды. По мнению Л.Н. Гумилёва, «золотоордынские ханы умели ценить оказанную им помощь и оставили бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека. С XVI в. потомки бродников называются тюркским словом — казаки» [3, с.80]. Именно потомки бродников, считает историк, «воевавшие со степью и нуждавшиеся в пополнении», с XIII по XVI в. «принимали в свою среду единоверцев» — бежавших на Дон русских крестьян, «обеспечивая им на первое время приют, выучку и безопасность от ногайских мурз и русских бояр» [3, с.80], благодаря чему и появилась знаменитое правило: «С Дона выдачи нет».

Другим направлением исторической мысли о местном, коренном происхождении казаков является мнение, что казаки — это наследники древнего кавказского народа аланов. Весомый вклад в развитие этой гипотезы внесла С.А. Плетьва. Согласно ее исследованию в сер. VIII века, «примерно в 40—60-годы, часть аланского населения, заселявшего центральное и западное Предкавказье, двинулась на север — на новые земли. Пройдя, не останавливаясь, по степным просторам Подонья, оно заняло лесостепные верховья трех больших рек этого бассейна: самого Дона, Северского Донца и Оскола» [8, с.268], смешавшись здесь с другими переселенцами — праболгарами, а также аборигенным населением, представленным «сильно смешанной этнической группировкой», в которую «входили окраинные поздние остатки пеньковской культуры, бывшие конгломератом потомков черняховцев, славян VIII—IX вв., степняков-кутригуров» [8, с.269]. Таким образом, на окраине Хазарского каганата сформировалась новая этническая группа, которую, очевидно и можно считать предками

донских казаков. «Как назывался новый этнический массив, образующийся на северных и северо-западных окраинах каганата? К сожалению, в письменных источниках ничего не говорится об этом далеком от центральных областей государства районе» [8, с.269]. Можно заметить некое сходство между аланами и будущими казаками: оба народа имели приграничное расположение. В связи с этим быт и уклад жизни обоих народов был военизирован. Говоря о причинах переселения алан входивших в состав Хазарского каганата, на далекие пограничные земли, С.А. Плетнёва считает, что с одной стороны, правительство этого государства сделало это насильно [8, с.268], однако с другой стороны, «нельзя полностью отрицать и мощного давления арабов на предкавказское население, которое охотно уходило от них с насиженных мест», таким образом, «переселение, задуманное как государственное мероприятие, весьма стимулировалось вынужденной эвакуацией с разоренных земель» [8, с.268].

Отдельного внимания заслуживает точка зрения П.Н. Лукичева, А.П. Скорик, Р.Г. Такиджьяна, считающих, что казачество, как социально-культурная общность формировалась «под сильным воздействием целого ряда факторов, среди которых достоверно можно выделить геополитический, социокультурный, демографический, социально-психологический, а также собственно географический и климатический» [9]. Поэтому с одной стороны, «казачество можно характеризовать как субэтнос, имевший тенденцию превращения в некоторую этническую целостность, которая была прервана попыткой его юридического закрепления в виде сословия XIX — начале XX века» [9], но с другой стороны, «казачество — это квазисословие, так как его сложная социальная структура, территориальное распыление и сосуществование с другими сословиями было остановлено Октябрьской революцией 1917 г. и последующей политикой «расказачивания» [9].

Как видим, генезис казачества сложно объяснить одной теорией. Каждый из концептуальных подходов имеет свою доказательную базу, но и содержит свои ошибки или упускает что-либо из виду. Автохтонную теории критикуют сторонники других теорий происхождения казачества за отсутствие бесспорных документов об этническом составе казачьих орд и общин до начала постоянной государственной службы казачьих войск в XVI веке и составления подробных переписей населения в XVIII веке [5, с.70], поскольку устойчивые казачьи семьи стали создаваться только в период строительства первых казачьих городков. Безбрачная жизнь мужчин в казачьих общинах XIV–XV вв. приводила к неустойчивым семейным отношениям и естественному разноплеменному их пополнению.

С другой стороны, миграционная теория без всякого доказательства устанавливала, что до бегства из Московского царства крестьян, образовавших на Дону свою военную общину — войско, современные казачьи территории пустовали. Вызывает сомнение, что крестьянин, привыкший к природным

условиям лесной полосы, бежавший в донские степи, мог сразу превратиться в бесстрашного воина, лихого конника, способного легко и свободно состязаться с прирождёнными воинами — разными степными народами, непрерывно чередуясь, властвовавшими на Востоке Европы, моментально превратиться в вольного степного рыцаря. Вряд ли могли ли беглые крестьяне, перебравшись на «Дикое Поле», в течение короткого времени настолько сплотиться, чтобы создать стройную военную систему, такую организованную военную силу, которая становится грозой соседних татарских царств, потрясает владения могущественной в то время Османской империи.

Таким образом, каждый концептуальный подход, имеющий место в современном историческом дискурсе о генезисе казачества, имеет как свои достоинства, так и противоречия, что даёт основание исследователям для дальнейшего изучения проблемы происхождения казаков. На наш взгляд, в изучении данной проблемы необходимо учитывать оба фактора — и процессы миграции кочевых народов, и естественное формирование казачьих общин на территории Российского государства. Тем более, что отсутствие официальных документов о казаках-предках не мешает самоидентификации современных казаков, что также снижает практическую значимость научных дискуссий по поводу появления казачества. Поэтому компромиссное решение, заключающееся в объединении миграционно-колониационной и автохтонной гипотез, может способствовать более обстоятельному изучению прошлого казачества и поминанию его роли в историческом пути России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнеденко А.М. *За други своя или все о казачестве*. М. 1993. 272с.
2. Гордеев А.А. *История казаков. Часть I. Золотая Орда и зарождение казачества*. Париж. 1968. 147с.
3. Гумилёв Л.Н. *Открытие Хазарии*. М. 2004. 416с. // URL: <http://arshba.ru/resources/otkritie-hazarii-gumilev-2004/994> (дата обращения: 24.08.2023).
4. Ерохин И.Ю. *Представления российских исследователей об этническом облике и корнях казачества: краткий историко-этнографический курс* // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 12. С.45–49.
5. Зотов В. *Казачество — российский феномен* // *Свободная мысль*. 1994. № 10. с. 66–78.
6. Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Кн. 2. Т. V. М. 1989.
7. Казачкова В.А. *Происхождение казачества по С.М. Соловьёву и его роль в основных событиях истории России* // *Юный ученый*. 2019. № 10 с. 20–21. URL: <https://moluch.ru/young/archive/30/1780> (дата обращения: 05.05.2023).
8. Плетнёва С.А. *На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс*. М. 1989. 288 с.

9. Скорик А.П. *Казачий Дон. Очерки истории. Часть I.* Ростов-на-Дону. 1995. 192с. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st003.shtml> (дата обращения: 22.08.2023).
10. Сонов А.В. Проблема этнического происхождения казачества и его современное прочтение // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2008. №4. С.66– 85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskogo-proishozhdeniya-kazachestva-i-ee-sovremennoe-prochtenie> (дата обращения: 23.08.2023).
11. Соловьёв С.М. *История России с древнейших времен. Сочинения в 18 т. Т 15–16.* М. 1993. 639с.
12. Тутин Д.А. *К вопросу о происхождении казачества // Учёные записки Санкт-Петербургского филиала РТА.* СПб. 2004. № 1. с. 175–185.